

УДК 82, 09(470.621)

ББК 83,3 Кав

Б-87

Брантова Инна Каплановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики Майкопского государственного технологического университета, т.: (8772)522124;

Мамизева Зухра Хаджимуратовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики Майкопского государственного технологического университета, т.: (8772)522124.

СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРКЕСОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СУЛТАНА ХАН-ГИРЕЯ (рецензирована)

Статья посвящена вопросам научного осмысления народной культуры черкесов в трудах адыгского просветителя Султана Хан-Гирея с позиций социального анализа разнообразных элементов жизни этноса.

Ключевые слова: адыгское общество, Султан Хан-Гирей, традиционная этническая культура, устное народное творчество адыгов, социальные институты адыгов.

Brantova Inna Kaplanovna, Candidate of Sociology, associate professor of Philosophy, Sociology and Pedagogy Department of Maikop State Technological University, tel.: (8772) 522124;

Mamizheva Zukhra Hadzhimuratovna, Candidate of Sociology, associate professor of Philosophy, Sociology and Pedagogy Department of Maikop State Technological University, tel.: (8772) 522124.

SOCIAL ANALYSIS OF CIRCASSIAN FOLK CULTURE IN WORKS OF SULTAN KHAN-GIREY

The article is devoted to the scientific understanding of the folk culture of the Circassians in the works of Adyghe educator Sultan Khan-Giray from the standpoint of social analysis of the various elements of the life of the ethnic group.

Keywords: Circassian society, the Sultan Khan-Giray, traditional ethnic culture and folklore of Circassians, social institutions of Circassians.

К числу культурно-психологических характеристик адыгского общества относится господство устного народного творчества. У адыгов начала XIX века не было своей письменности. Хотя, как отмечает Султан Хан-Гирей: «Умственные способности черкеса ... удивительны», «в таком народе, как черкесский, мало известный, почти полудикий, отличающийся сильными способностями ума» [1], характеризуя те же обстоятельства, которые помешали адыгам рано обрести письменность, развить образование и просвещение. Султан Хан-Гирей не подвергает сомнению мысль о том, что у черкесов не было грамоты («они лишены лучшего приобретения человеческого разума – письмен» [2]), тем не менее, убежденно утверждает идею, что были «просвещеннейшие в этом народе» [3].

Основная масса адыгского общества, князья, дворяне, крестьяне, а отчасти даже и духовенство, не было приобщено к грамотности, что может истолковываться учеными как бескультурность. Противоположность «ученых», «образованных» «неграмотным», «невежественным» – одно из профилирующих разграничений в науке. Все, что лежало за пределами книжной грамотности, расценивалось как примитивное и не заслуживающее интереса. Было бы глубочайшим заблуждением, если бы историки безоговорочно восприняли эту установку. В действительности, письменная коммуникация представляла собой лишь один аспект адыгской культуры. За пределами книжности оставались огромные массивы человеческих отношений. Мифы, сказания, предания, повествования и песни о героях древности на протяжении многих столетий передавались изустно, неприметно трансформируясь и вбирая в себя новые мотивы и эпизоды. Нам известна лишь небольшая часть, этих песен и легенд, а именно то, что по тем или иным причинам попало в поле зрения Султана Хан-Гирея.

При работе над текстом своих произведений Султан Хан-Гирей использовал устный источник информации, где делал ставку на память пересказчика – обширнейший запас памяти и фантазии. Структура и объем памяти человека той эпохи радикально отличался от памяти члена общества, в котором письменность доминирует. В адыгском обществе слуховые восприятия были более существенны, нежели зрительные: «У черкесов нет ни почты, ни газет, но вести с удивительной быстротой распространяются по

стране» [4]. Слухи, рассказы, в которых реальное смешивается с баснословным, вера в сверхъестественное, склонность доверять самым невероятным известиям, подчас порождавшая панические настроения, образовывали ту социально-психологическую атмосферу, которая присуща этому обществу и такой духовный климат был скорее нормой, чем исключением. Мысль, запечатленная в рукописи, тем самым обретает свою окончательную форму, наоборот, устная информация оставалась незавершенной, постоянно обновлялась.

В первой половине XIX века в Черкесии господствовала устная коммуникация и трансляция культурных ценностей. Адыги, как носители устной традиции были независимы от книжной, письменной культуры, поэтому возникают определенные проблемы с изучением культуры адыгов, так как устное народное творчество не могло быть зафиксировано непосредственно, и все, что мы можем о нем узнать, находится в источниках. Для нас таким источником являются произведения Султана Хан-Гирея, с помощью которых мы сможем глубинно изучить пласт народной адыгской культуры. Хотя надо отметить, что отражение устного в письменном виде всегда и неизбежно преобразовано и искажено в какой-то мере, а их изучение всегда сопряжено с рядом сложностей и противоречий. Перед нами не только информация о событиях, имевших место в изучаемую эпоху. Первое, с чем мы встречаемся на страницах произведений Султана Хан-Гирея, это личность самого создателя, содержание и структура его сознания, тот мир представлений, который был присущ именно ему. Иными словами, та информация, которая содержится в изучаемых нами работах, это мысли, идеи, образы, присущие Султану Хан-Гирею, с которыми мы вынуждены работать. Следовательно, мы сталкиваемся с огромной трудностью дешифровки источника, так как сведения о происшедших событиях и их субъективные оценки и освещение, идущие от автора текста, неразрывно сплавлены воедино.

Искусство устного народного творчества играло большую роль в формировании менталитета адыгов. Поэтическое творчество находило выражение в фольклоре. Песни, сказки, мифы повсеместно сохранились только в устной традиции адыгов. Н.Ф. Дубровин пишет: «Черкесы любят поэзию и песни» [5]. Литературное творчество – важнейшее звено культуры, но культура – не только искусство сочинения стихов, поэм, повестей, романов и драм. Она объемна, разнообразна по форме проявления, вбирает в себя все многообразие творческой, материальной и духовной деятельности этноса. Так понимал культуру народа и Султан Хан-Гирей: «Черкесы не только с жаром воспевают жизнь и подвиги героев, ярко изображают кровавые события и природу, с восторгом описывают любовь и наслаждение, а страдания – самым трогательным образом, но даже все такие поэтические мысли свои излагают стихами, которые имеют гармонические созвучия и подчинены правилам как бы некоторого рода искусства» [6].

Культура адыгов проявляла себя в народной поэзии, быте, нравах, социальном укладе, во взглядах на мир и человека, в искусстве общения, в отношениях с другими народами, в самоуважении и самодостаточности собственного достоинства – высокого нравственного, осмысленного и осознанного, не унижающего достоинств другого народа. Султан Хан-Гирей демонстрирует, что «полудикие племена» способны к великому социальному и художественному творчеству, сам при этом показывая на конкретном примере собственного творчества исключительное богатство духовного опыта этого народа.

Роль песни в жизни адыга велика, в песнях он запечатлевает самые важные события в жизни общества, подвиги своих героев. Хан-Гирей рассказывает историю одной песни, которую сложили по поводу предательства, совершенного мохошевцами, выдав русскому военному начальству беглецов-старообрядцев: «Тут в горах, – пишет писатель, – поднялась страшная буря. На бедных мохошевцев посыпались ругательства, и вооружилась ненависть фанатизма. Сложили немедленно плачевную песню, в которой высказывалось религиозное участие к судьбе беглецов, и самой бессовестной бранью клеймены были имена многих мохошцев. Если бы старообрядцы добрались до гор, абедзахи поступили бы с ними, как у горцев водится, – забрали бы их себе в плен; участь их была бы жалкая, тяжкие работы были бы их уделом, и об них давным-давно забыли бы; но случилось иначе, вопреки горскому обычаю, и негодяи сделались предметом сострадания горцев, и в течение уже многих лет имена их повторяются в черкесских преданиях» [7]. Следовательно, в жизни и быте черкесов песня, художественное слово играли выдающуюся роль: иначе и не объяснить то обстоятельство, что адыгское устно-поэтическое и песенно-хореографическое наследие (и по объему, и по содержанию) не уступает никакому другому национально-эпическому достоянию, включая и знаменитые «Махабхарата», «Рамаяна», «Каллевалла», «Давид Сосунский» или «Манас».

Анализ песенного наследия приводится Султаном Хан-Гиреем в произведениях «Записки о Черкесии» и «Черкесские предания», где автор разделяет адыгские народные песни в следующем порядке: жизнеописательные (тльзекка пщьналь); описание битв (зео оред или лбе пщьналь); плачевные песни (хгбзе); песни наезднические (зейко оред); песни колыбельные (кушеко оред); песни, которые поют при одре раненного (дчепше оред); песни, которые исключительно поют при теле

усопшего (сахгешь); песни, которые поют при пиршествах в честь грома, при жертвоприношениях и прочих языческих празднествах (тххапшьо оред); песни плясовые (удь оред). По содержанию песен возможно достаточно полное восстановление характера и особенностей события, основные этапы его развития, влияния этих событий на судьбы отдельных исторических лиц и на судьбу всего племени, народа.

Изобразительное искусство адыгов нашло свое отражение в прикладном народном творчестве. Имело развитый характер и широкое применение в быту адыгов. Изящество изделий и их искусная обработка придавала изделиям высочайший уровень, они пользовались славой и за пределами Черкесии.

Обряды, народные игры, праздники являются одним из проявлений культуры адыгов, так как несут в себе элементы театрального действия. Особенное зрелище представляет собой свадьба, где каждое движение обыгрывается с особым актерским мастерством.

В подтверждение той мысли, что адыгское общество не имело письменности, на примере джегуако, Султан Хан-Гирей раздумывал о духовных ресурсах и духовном, художественно-эстетическом наследии народа, которых он рассматривал как важнейшую часть общесоциокультурной его данности, как важнейший показатель достижений нации и возможного ее дальнейшего развития. В повесть «Черкесские предания» он включил большую главу – исследование ученого-аналитика, социолога, литературоведа, искусствоведа и сделано это с точки зрения профессиональности на высоком уровне. «Народ, не имеющий письменности, не имеет своей истории: о нем пишут другие», – на такой печальной ноте начинается глава. Далее он рассуждает: «... народ черкесский, хотя он был чужд всякой гражданской образованности, отличаясь природным умом и воинственным характером, предохранял в течение многих веков свою самобытность. Чужеземное в старину влияние, оставившее в других частях Кавказа памятники своего владычества, не оставило здесь глубоких следов, ни безопасной своей власти, ни морального влияния, даже религия, Магометом основанная, вкоренилась в Черкесской земле не влиянием военного мужества другого народа, но следствием посторонних, косвенных обстоятельств, которых должны мы искать только в умственных его качествах. Земли черкесского народа бедны остатками искусства, но зато как он богат изустными произведениями поэзии! Поэзия – жизнь, душа, память бытия древних черкесов, живая летопись событий в их земле! Она управляла их умом и воображением в домашнем быту, на съездах народных, в увеселениях, в печали, встречала их рождение, сопровождала от колыбели до могилы их жизнь и передавала потомству их дела. Под словом поэзии разумею те высокие песни черкесов, где сохранились идеи о защите слабых, уважение ко всему высокому и прекрасному и к самому себе, мысль о том, что потомство скажет. Словом – все благородные порывы души возвышенной, даже и пагубные страсти, увлекавшие черкеса к кровопролитиям, разбоям, но бывшие следствием не жажды добычи, а жажды дурно понятой славы. Эти идеи не заключались в одних словах – нет! Они осуществлялись на деле: их внушала, им давала всемогущую силу небесная власть поэзии. Все народы знают поэзию: дикий обитатель пустыни и человек, утопающий в роскоши городов, поют в радости и горе; везде в человеческой семье, более или менее, живет поэзия – она часть человека. Но следствия ее влияния не одинаковы, даже чрезвычайно различны, и может быть, нигде различие не является столь резко, столь могущественно, столь общественно, как оно являлось у древних черкесов. И как явны благодетельные и пагубные следствия внушений поэзии и донныне в племенах черкесских, хотя на древних теперь они не похожи, и различия между нынешними черкесами и их предками весьма резки» [8].

Адыги в своем устном художественном наследии выразили продолжительный путь развития народа, его нравы, психологию, народную культуру, и для нас самое основное – характер и формы проявления социальной жизни общества, которая эволюционировала в зависимости от содержания эпохи, характера производства и производительных сил. Закономерности социально-общественного развития адыгов очень четко и многогранно просматриваются в этом наследии. Об этом не мог не знать и знал Султан Хан-Гирей, поэтому и многие произведения художественного национального развития он сравнивал с лучшими мировыми образцами. Из этого он и исходил, когда исследовал народное песенно-поэтическое творчество.

Как известно, в мировой культуре сочинителями были в основном люди знатного происхождения. Адыгская же знать считала это дело унижительным для себя, но ни в коем случае не отказывалась слушать песни и сказания великих джегуако. Талантливые люди из знатной среды тоже занимались творчеством (оно не служило для них средством существования, как у джегуако), но оно в этой среде не поощрялось, считалось делом не достойным для дворянина. Но парадокс: не иметь при себе джегуако (как шут при короле) считалось для дворянина весьма и весьма недостойным. Султан Хан-Гирей, говоря о певцах (джегуако) в адыгском обществе, отмечал, что они являлись особым сословием (декоако) и главное их занятие состояло в воспевании событий прошлого народа, этим занятием они и зарабатывали на жизнь [9]. Султан Хан-Гирей таким образом характеризует

высокое нравственное и духовное положение джэгуако в адыгском обществе, считая их одним из главных создателей их художественного наследия: «Каждый князь, пользовавшийся уважением своих подвластных, имел при себе таких певцов, содержал их в довольстве и обогащал дарами» [10].

Султан Хан-Гирей говорит о совсем непростых взаимоотношениях в системе социальных институтов, даже в такой исключительно особенной области, каким является духовное, художественное творчество. Знать сама по себе не хотела быть участником создания и пропаганды народных произведений, но иметь при дворе, у себя хорошего певца, талантливого сочинителя предусматривалось правилами общественного положения князей и дворян, которые, как отмечает ученый, хорошо одаривали и ценили их труд, понимая национальную значимость их таланта: «Если бы в древних песнях черкесских (которые содержат в себе драгоценные для любопытства потомков события, современные их предкам, и черты характера людей минувших веков) означались эпохи происшествий, в них воспетых, то они могли бы во многом заменить историю предков настоящего поколения» [11]. Далее развивая эту мысль Султан Хан-Гирей пишет: «Если бы вы знали его язык, нравы, обычаи и образ мыслей, знали всю силу древних песен и преданий черкесских и удивительное их влияние на воображение, и если бы вы от их почти невыразимого влияния приходили не раз в восторженность, вы сами отвечали бы на мой вопрос и, вероятно, рассказали бы ясно и выразительно многое, что черкес может чувствовать, но высказать недостает у него дара слова» [12].

Социальная дифференциация способствовала наличию очень резких и четких ограничений. Например, знать требовала, чтобы простолюдин не одевался в костюм князя или дворянина. Даже в духовной жизни эта четкая линия очень часто проявляла себя, при этом не вызывая в обществе особенного напряжения и социально-конфликтных ситуаций. Считалось справедливым воспеть «в блеске славы и в величии благородной скромности рыцаря», князя или дворянина, проявлявшего храбрость, рядом изобразить простого человека, сумевшего отстоять свой дом, свою землю; правда, при этом четкая социальная дифференциация сохраняется. Даже особо подчеркивается, что этот – славных князей сын, а этот – другого княжеского рода.

Социальное начало отчетливо проявило себя и в отношении разных классов и сословий к художественному творчеству. Здесь может быть несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных положений: первое – знать не очень любила участвовать в создании этого искусства, считая это делом менее обеспеченных сословий; второе – знать хотела, чтобы о ней создавались хорошие, ладные, хвалебные песни; творцы и народ тоже понимали, какое положение знатные слои общества занимают по отношению к песне, к искусству вообще. Эту противоречивую ситуацию Султан Хан-Гирей не мог не заметить, и все сложности и противоречия, которые сопровождали песенно-поэтическое творчество, он пытается осмыслить и сделать из этого законченное суждение. С одной стороны: «Говоря о поэзии черкес, нельзя не упомянуть о поэтах или певцах их. В прежние времена было в Черкесии особое сословие, так называемые декоако, которые исключительно занимались стихотворством, воспевали кровавые события, народные и славные деяния отличившихся воинов, составляли жизнеописания знаменитых мужей и пели вековые песни; таким образом эти певцы подвиги предков передавали потомкам и в таких занятиях находили не только пропитание, но даже богатство», а «Силы и красоты слога произведений поэтического воображения этих певцов чрезвычайны» [13]. С другой стороны: «Для знаменитых людей в старину певцы были необходимы: они передавали потомству их дела, давали им земное бессмертие, и потому везде покровительствовали певцам, осыпали их щедро подарками, обогащали их, и певцы дорожили своим званием, которое доставляло им много выгод, хотя и мало, кажется, почтения. Странно, что певцы, которых творением так дорожили, сами не пользовались большим уважением. Из высшего класса никто не хотел быть певцом, хотя знание песен вменялось каждому дворянину в необходимость. Звание певцов унижало порядочного человека (они были известны под именем декоак), внушавшим мысль более о ремесле шута, нежели о занятиях человека, который может обессмертить другого или заклеить его позором неизгладимым. Впрочем, певцы сами отчасти были тому виною: разъезжая по аулам, как канатные плясуны, они собирали от жителей подавание, в котором, большей частью, не имели крайней нужды, а притом, вся жизнь их была цепь непрерывных шуток и острых слов, иногда весьма неблагопристойных. Рассматривая со вниманием произведения черкесских певцов, не знаешь, чему больше удивляться: силе, красоте выражений, благородным идеям в древних песнях, или тому, что творцами таких прекрасных песен были люди, унижавшие себя ремеслом шутов? Тут невольно думаешь, что не декоаки слагали древние песни, хотя с прекращением сих певцов перестали слагать столь замечательные песни, каковы древние жизнеописательные и исторические. Можно подумать, что в старину знатнейшие люди, страстно любившие поэзию, сами слагали лучшие песни и руководили певцов своими советами и вкусом. Впрочем, были между декоаками и такие, которые пользовались всеобщим уважением и не подвергали себя насмешкам народа, если и не могли облагородить своего звания. О

некоторых из них сохранились предания, доказывающие, что певцы нередко были необходимы, как хранители событий» [14].

К устному народному творчеству адыгов относятся также сказания, повести, сказки: «Все, что от предков изустно перешло к потомству, у черкесов составляет предания, которые разделяются на три рода: 1) песни (оред, пшынатсие, хбзе); 2) старые сказания (тхдесзи) и 3) старые вымыслы (тхдеседси)» [15]. Султан Хан-Гирей отмечает историческую и источниковедческую роль этой группы источников устного народного творчества: «Старые сказания весьма интересны для любителя старины, они служат истолкованием и дополнением, как я говорил, древних песен, и вместе с песнями составляют единственные, бесценные материалы для предисторической эпохи народа, а названия мест событий и древние оружия, хранящиеся и поныне в известных семействах, свидетельствуют, что в старых сказаниях заключается много истины» [16]. Черкесские сказки представляют собой чистый вымысел «без всякой примеси истины: в них волшебники и волшебницы играют важную роль, но главнейшими же их основаниями бывает обыкновенно романтическая любовь» [17]. Но главное в них – это нравоучительные моменты.

Произведения Султана Хан-Гирея позволяют судить нам о специфической окраске некоторых сезонных праздников, о древних ритуалах как символическом переходе между различными формами космического и социального бытия. Идея смерти и обновления растительности, тления и произрастания, природные стихии все это обуславливала выработанные веками обряды веселых проводов зимы и ликующие встречи весны: «...призывая благословения боготворимых ими предметов или изъявляя им свою признательность, плясали... когда совершаемы были празднества во время грома и прочее» [18].

Стилю адыгского общества, с постоянным пребыванием в наездничестве, его жизни отвечало пристрастие к разнообразным подвижным играм как на открытом воздухе, так и комнатным. Эти увеселения, связанные с праздничной атмосферой, доставляли истинную радость самим участникам и не нуждались в зрителях. «Играющий человек» стремился выявить все стороны своей натуры: силу и выносливость, быстроту реакции и ловкость, находчивость и богатство фантазии.

Проявлением типичного для адыгского мужчины культа физической мощи была страсть к силовым соревнованиям, состязаниям в ловкости, в меткости. Мужские соревнования это не просто игра, но и военная тренировка. Такими народными играми, где проверяется истинный черкес были – диор, кебек, коемий. Стрельба в цель из ружей, из пистолетов на всем скаку верхом мимо цели носила военно-прикладной характер.

Многообразие социальных и индивидуальных воплощений адыгов начала XIX века сформировало конкретную идеологическую и культурную систему, особый мир представлений и чувствований, который предполагал и общие верования, и общие страхи, и специфические формы культурного воплощения. Конечно, среда, уровень образованности, историко-географические особенности (прибрежная зона, горные области, равнины) вносили свои коррективы в культурное и психологическое поведение человека, при этом не устраняя однако то общее, что было присуще ему как представителю своей нации.

Литература:

1. Хан-Гирей. Бесльный Абат // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века. Избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 107.
2. Дубровин Н. Ф. Черкесы (адыге). Нальчик: Кабард.-Балкар. отд-ние Всерос. фонда культуры, 1991. С. 80.
3. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 111-115.
4. Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 109-116.